

Анна СМОЛЯРОВА

РОЛЬ ПУБЛИЧНОЙ СФЕРЫ В ИНТЕГРАЦИИ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассматривается проблема фрагментированности публичной сферы в условиях трансформации западных демократий. Автор выявляет взаимосвязь кризиса старых демократий и интеграционных проблем европейских обществ и предлагает метод анализа интеграционного потенциала элементов публичной сферы на примере универсальных русскоязычных СМИ современной Германии.

The article is devoted to the problem of fragmentation of the public sphere in the period of Western democracies' transformation. The author reveals the interrelation of the crisis of old democracies and problems of integration of European societies, and offers the method for the analysis of integration potential of the public sphere elements on an example of Russian-speaking mass-media of the modern Germany.

Ключевые слова:

социальная реальность, кризис демократий, консенсус, публичная сфера, иммигрантские СМИ; *social reality, crisis of democracy, consensus, public sphere, immigrant mass-media.*

Фрагментация общества — тенденция, характерная не только для западных стран XXI в. Социологи начала XX в. рассматривали индустриализацию и урбанизацию как процессы, вызвавшие к жизни новую степень «анонимности, изоляции и неуверенности в современной жизни»¹. Сегодня общественные изменения обладают такими характеристиками, как «интенсификация глобализации, рост неолиберализма и новых правых, снижение доверия к социал-демократии, процесс детрадиционализации, быстрое развитие информационных и коммуникационных технологий и рост новых социальных движений»², которые описывают их сложность и уникальность именно в современный нам отрезок времени. Данные процессы приводят, согласно М. Кастельсу, к становлению дифференцированного, поляризованного «сетового общества».

Исследования, проводимые социологическим фондом *World Values Survey* под руководством профессора Р. Инглхарта, показали, что изменения в западном обществе тесно связаны с ростом благосостояния после Второй мировой войны и с появлением первых поколений, в системе воззрений которых преобладали постматериалистические ценности. Исчезла необходимость в тесных человеческих объединениях для выживания. Исследователи отмечают снижение уровня участия в традиционных формах социальных организаций: «Люди принадлежат к меньшему количеству организаций, чем раньше, голосуют реже, меньше работают волонтерами и дают меньше денег на благотворительность»³. Рост общего благосостояния и появление социального государства привели к возрастающей дифференциации стилей жизни: к традиционному конфликту поколений добавилось разнообразие поведенческих стратегий внутри одного поколения.

Другие исследователи, например У. Бек, напротив, говорят о росте числа взаимосвязей между различными сферами в обществе — экономической, культурной, политической. Противоречия в теориях показывают, что речь идет не об уничтожении связей внутри обще-

СМОЛЯРОВА

Анна

Сергеевна —

аспирант кафедры

международной

журналистики

СПбГУ

anna.smolyarova@

gmail.com

¹ McQuail D. *Mass Communication Theory*. — 5th edition. — London : Sage, 2005, p. 51.

² Fenton N., Downey J. *Counter Public Spheres and Global Modernity // Javnost — The Public*, 2003, vol. 10, № 1, p. 16.

³ *Ibid.*, p. 19.

ства как таковых, а об их коренной перестройке. Изменение структуры общества внутри сложившихся государств-наций усложняется вследствие появления новых акторов, которые не были ранее вовлечены в трансформирующиеся социальные связи. Проблематизация развития общества в 1980-х—1990-х гг. находит выражение в представлении о том, что неизбежное расхождение на уровне базовых норм и ценностей между иммигрантами и гражданами старых национальных государств достигает критического уровня в условиях массовой миграции населения в Европу из стран Магриба, Средней Азии, мусульманских стран Средиземноморского бассейна. «Мигрируют не только экономические субъекты — рабочая сила — в другую страну, но и люди с культурными обычаями и ценностями»¹, — формулирует К. Хафез. Но у неприятия мультикультурного состава общества есть в т.ч. экономические и социальные причины (например, недовольство нагрузкой на бюджетную сферу или криминализация в компактных местах проживания групп). В ответ на необходимость адаптации иммигрантов к общественным структурам государство и экспертное сообщество разрабатывают интеграционные программы и концепции. Уровень радикальности этих программ (от программ социальной адаптации в виде языковых курсов и консультаций до проектов обучения нормам и ценностям принимающего общества) зависит от представлений авторов о том, насколько иммигранты сильнее нуждаются в помощи при социализации в обществе по сравнению с национальным большинством.

Хотя социологи выявляют неоднородность этнических групп и подчеркивают недопустимость обобщения различных поколений при обсуждении интегрированности иммигрантов в общество и опасности геттоизации этнических групп, требование «обучения базовым ценностям» логично выводится из устройства человеческой психики. П. Бергер и Т. Лукман описывают взаимодействие человека с другими как основанное на вере в возможность понимания и диалога: «Я знаю, что моя естественная установка по отно-

шению к этому миру соответствует естественной установке других людей, что они тоже понимают объективации, с помощью которых этот мир упорядочен»². Если человек полагает обратное в отношении групп людей, он неизбежно приходит к установке, что совместные действия с представителями данных групп не могут привести к предсказуемому и понятному результату, который бы встраивался в схемы разумных и прогнозируемых действий. Даже если интересы и позиции людей могут расходиться, для человека «важнее всего то, что я знаю, что существует постоянное соответствие между моими значениями и их значениями в этом мире, что у нас есть общее понимание этой реальности»³. Следовательно, недоверие к старым общественным институтам усугубляется ощущением того, что часть членов общества не разделяют не только правила игры (которые различаются на разных уровнях общества), но и язык переговоров об этих правилах.

Опасения по поводу фрагментации общества и связанной с ней фрагментации коммуникативного пространства вызваны не в последнюю очередь страхом того, что европейские страны не смогут продолжать развиваться как демократические режимы и общества всеобщего благосостояния. Необходимо отметить, что эти опасения связаны не только с иммигрантами: кризис старых демократий конца 1980-х — начала 1990-х гг. в целом выразился в росте политической апатии, снижении заинтересованности и вовлеченности граждан в процессы управления⁴. Хотя предполагается, что «демократические процедуры становятся способом организовать и связывать меняющиеся конкурирующие интересы, проекты и ценности внутри неоднородных обществ»⁵, кризис затрагивает одно из важнейших условий демократии — участие граждан.

Взаимодействие различных групп внутри демократических процедур возможно только в случае вовлечения групп инте-

¹ Hafez K. Zwischen Parallelgesellschaft, strategischer Ethnisierung und Transkultur: die türkische Medienkultur in Deutschland // Blätter für deutsche und internationale Politik, jg. 45, h. 6, 2000, p. 729–730.

² Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания. — М.: Медиум, 1995, с. 43.

³ Там же, с. 44.

⁴ См.: Dahlgren P. In Search of the Talkative Public: Media, Deliberative Democracy and Civic Culture // Javnost — The Public, 2002, vol. 9, No 3, p. 5–26.

⁵ Dahlgren P. Television and the Public Sphere: Citizenship, Democracy and the Media. — SAGE, 1995, p. 3.

ресов и отдельных граждан в непрерывные процессы воспроизводства и актуализации демократических институтов. Демократия вырабатывает специальные механизмы, позволяющие легитимировать разнонаправленные общественные интересы, а также изменить общественный консенсус, или баланс между интересами групп доминирующих и находящихся в меньшинстве. Важное место среди этих механизмов занимает коммуникация в обществе, моделирование которой в рамках изучения демократии выражено в различных концепциях публичной сферы¹.

Теоретические подходы предполагают различное прочтение консенсуса в обществе, и для анализа фрагментации современного общества, трансформации обществ государств-наций мы полагаем необходимым указать на разницу между дискурсивным и либеральным подходом к публичной сфере. Дискурсивный подход полагает коммуникацию направленной на достижение консенсуса: «люди поощряются охотнее думать в терминах общего блага, чем личного блага, и искать области согласия в атмосфере взаимного уважения»². Согласно либеральному подходу в публичном пространстве происходит борьба интересов, и каждый раз консенсус является выражением только временно стабилизированного баланса сил в обществе³. Демократичность проявляется в возможности изменения этого баланса цивилизованным путем, в то время как каждое достижение временного консенсуса является неизбежным поражением демократии как возможности существования меньшинств наряду с большинством.

Мы видим, что фрагментированность публичной сферы видится как проблема в рамках дискурсивного подхода, т.к. предполагается, что она является препятствием в достижении консенсуса. Критики дискурсивного подхода считают, что дифференциация общества является

скорее укрепляющим демократию фактором⁴. Тем не менее в либеральном подходе присутствует требование единого «языка переговоров», уже указанное выше. Сейчас мы можем его переформулировать как приверженность демократической культуре, которая «отражает идею достоинства человека и индивидуума»⁵. Так же, как и другие общественные институты, демократические формы могут воспроизводиться только в том случае, если люди действуют в соответствии с представлением о необходимости этих форм для благосостояния общества⁶. «Это то, что не может быть чертой системы или особенностью структуры, она должна быть закреплена в микромирах повседневных ценностей и опыта людей»⁷.

В период, когда в составе общества появляются значительные группы людей, чья «самоочевидная обыденность повседневной жизни»⁸ отличается от выработанных в европейских странах схем общественной жизни, соотношение сил неизбежно меняется. Для европейского общества важно сохранить основу — демократические формы, и для этого необходимы «сферы участия и признания»⁹, которые включают в себя членов общества независимо от национального языка и гражданства — линий, по которым происходит исключение участников в старых публичных сферах, тесно связанных с государственными институтами¹⁰. Ключевым элементом данных сфер выступают СМИ, которые являются «основным источником образов социальной реальности и материалов для фор-

⁴ Dahlberg L. Rethinking the Fragmentation of the Cyberpublic: From Consensus to Contestation // *New Media & Society*, 2007, vol. 9, № 5, p. 827–847.

⁵ Stewart R. Why Democracy Matters // Talks TEDx, filmed June 2012, posted October 2012; http://www.ted.com/talks/roby_stewart_how_to_rebuild_democracy.html.

⁶ См. Мамардашвили М. Очерк современной европейской философии. — М.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.

⁷ Dahlgren P. *Television and the Public Sphere: Citizenship, Democracy and the Media*. — SAGE, 1995, p. 5.

⁸ Бергер П., Лукман Т. Указ. соч., с. 44.

⁹ Ward D. The Democratic Deficit and European Union Communication Policy: An Evaluation of The Commission's Approach to Broadcasting // *Javnost — The Public*, 2001, vol. 8, № 1, p. 78.

¹⁰ Fraser N. Transnationalizing the Public Sphere: On the Legitimacy and Efficacy of Public Opinion in a Post-Westphalian World // *Theory, Culture & Society*, 2007, vol. 24, № 4, p. 11.

¹ О доминирующей публичной сфере и контрпубличных сферах см. Fenton N., Downey J. *Op. cit.*

² Ferree M.M., Gamson W.A., Gerhards J., Rucht D. Four models of the Public Sphere in Modern Democracies // *Theory and Society*, 2002, vol. 31, № 3, p. 305.

³ Бодрунова С. С. Концепции публичной сферы и медиакратическая теория: поиск точек соприкосновения // *Журнал социологии и социальной антропологии*, 2011, т. 14, № 1, с. 123.

мирования и поддержания социальной идентичности»¹.

Иммигрантские СМИ, в первую очередь издаваемые на родном языке аудитории, нередко критикуются за негативизм по отношению к принимающему обществу (например, турецкоязычные СМИ в Германии). Исследования контрпубличных сфер показывают, что критический подход к доминирующим группам характерен не только для иммигрантских изданий (например, исследования феминистской или антиглобалистской повесток дня). В связи с вопросом о допустимой с точки зрения воспроизводства демократических институтов степени фрагментации общества и фрагментации публичной сферы вызывают интерес универсальные² иммигрантские СМИ на родном языке иммигрантов, которые стремятся приблизиться к СМИ принимающего общества по повестке дня. На уровне представленности тем они интегрируют аудиторию в доминирующую публичную сферу. Возникает вопрос, является ли включение в единое информационное пространство достаточным для того, чтобы реализовать заложенный в СМИ потенциал интеграции в демократическую культуру? Д.Б. Гудков указывает, что «прецедентные феномены играют важнейшую роль в формировании национального мифа, отражая и задавая шкалу ценностных

ориентаций и моделей»³. Проведенный анализ текстов еженедельной универсальной газеты «Европа Экспресс» (период с сентября 2011 г. по июль 2012 г.), освещающих жизнь Германии, показал, что 26% заголовков созданы с использованием прецедентных феноменов на основе русскоязычных текстов. Больше 2/3 из них относятся к публикациям о немецкой политике. Так, статья от 18.06.2012, посвященная внутренним разногласиям в партии ХДС/ХСС, озаглавлена: «И пойдет внук на “внучку”...», а статья от 31.10.2011 под названием «Больше двух не собираться» описывает споры внутри правящей коалиции в отношении налоговой реформы. Безусловно, заголовки являются только одним элементом «медиафрейма, который активирует у аудитории когнитивную схему интерпретации описываемого вопроса»⁴. Чтобы выявить отношение к доминирующей публичной сфере принимающего общества иммигрантских СМИ, необходим анализ всех символических маркеров медиафреймов. Как мы показали выше, для изучения фрагментации общества необходим анализ степени включенности в систему ценностей демократической культуры. На наш взгляд, медиафреймом русскоязычных универсальных газет, в котором данный аспект отражается наиболее полно, является фрейм «принятие решений».

¹ McQuail D. Op. cit., p. 4.

² Масс-медиа российского мегаполиса: типология печатных СМИ / под общ. ред. М.А. Шишкиной; науч. ред. Б.Я. Мисонжников. – СПб., 2009; <http://mediaspb.spbu.ru/part6/72.html>

³ Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования : учебное пособие. – М., 2001; <http://evartist.narod.ru/text12/09.htm>.

⁴ Пономарев Н. Ф. Фрейминг медиаповестки дня и типология медиафреймов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология, 2010, № 3, с. 63.